

Н.С. Серебряков

(Москва)

ОТНОШЕНИЕ К ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ РАЗУМУ В ХРИСТИАНСТВЕ¹

Обычно для описания взаимоотношения науки и христианского богословия (или христианства в целом) используют такую пару как бы противоположных понятий: разум и вера, при этом разум объявляется присущим именно науке, а вера – соответственно, богословию. Такая позиция, безусловно, не лишена основания. Ведь научное познание, по определению, является рациональным, и именно наука своими достижениями продемонстрировала удивительную силу человеческого разума.² Да и в христианской традиции известно немало утверждений, показывающих приоритет веры над разумом, как, например, библейские слова *"погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну"* (1 Кор. 1: 19, ср. Ис. 29: 14) или выражение, являющееся парафразом слов христианского писателя II–III в. Квинта Септимия Тертуллиана: *"верую, ибо абсурдно"* и проч. Очевидно, что все догматы христианской веры рационально недоказуемы, причем большую часть из них трудно даже понять (как, например, догмат о Пресвятой Троице). Также нельзя рационально объяснить христианские чудеса. Во все это можно только верить.

Однако означает ли все это, что в христианстве вообще нет места человеческому разуму, что он полностью отвергнут, как это вроде бы следует из приведенных слов из послания ап. Павла? Безусловно, не означает. Более того, можно утверждать, что статус человеческого разума с христианской точки зрения весьма высок. И это не только потому, что для передачи богословского знания (особенно через письменность) и для разъяснения его содержания все же требуется определенная рационализация, логическое

¹ Статья представляет собой переработанный доклад, прочитанный на секции «Наука в свете православного миропонимания» Рождественских Образовательных Чтений в 2008 г.

² Порой даже казалось, что разум человека, научно познающего мир, по достоверности познания равен Божественному разуму. Например, Галилео Галилей писал: «я утверждаю, что человеческий разум познаёт некоторые истины столь совершенно и с такой абсолютной достоверностью, какую имеет сама природа; таковы чистые математические науки, геометрия и арифметика; хотя Божественный разум знает в них бесконечно больше истин, ибо он объемлет их все, но в тех немногих, которые постиг человеческий разум, я думаю, его познание по объективной достоверности равно Божественному, ибо оно приходит к пониманию их необходимости, а высшей степени достоверности не существует» (*Галилей Г. Диалог о двух системах мира // Он же. Избранные труды в двух томах / Академия Наук СССР; сост. У.И. Франкфурт. – Т. 1. – М.: Наука, 1964. – С. 201*).

упорядочивание³. Есть более веские причины, исходящие из самой сути христианства. Ведь, как известно, Господь сотворил человека по образу Своему (Быт. 1: 27), а определяющим свойством образа Божия в человеке, согласно мнению ряда авторитетных церковных толкователей, является именно разумность человека.⁴ Кроме того, в "первой и наибольшей" заповеди Господа говорится: "*Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумом твоим* (e'n o%lh` th`_ dianoi/a` sou)" (Мф. 22: 37), то есть говорится о том, что в общении с Богом должен быть вовлечен весь человек, в том числе и его разум. Наконец, в тропаре праздника Рождества Христова поется: "*Рождество Твое Христе Боже наш, возсия мирови свет разума*"⁵, то есть в пришествии Спасителя на землю, в Его Рождестве человеческий разум был просвещен, человеку открылась истина об истинном Боге, Источнике человеческого бытия и разума. Таким образом, христианство совсем не отбрасывает разум, а наоборот утверждает его, просвещает и требует его активного использования в человеческом бытии.

Как же совместить указанные высказывания Священного Писания и Предания об отвержении человеческого разума и одновременно о его высоком статусе в человеке? Для ответа на этот вопрос надо вспомнить, что с точки зрения христианства есть два состояния человеческого разума: с одной стороны, разум человека падшего, человека в его состоянии после грехопадения прародителей Адама и Евы, а с другой стороны, разум человека, спасенного Христом, человека обновленного, восстановленного в его первоначальном состоянии. И именно этим различием объясняется кажущаяся непоследовательность христианства в его отношении к человеческому разуму.

Разум падшего человека, падший ум – это тот, который всем нам известен из собственного опыта. Описывая этот ум, в Апостольских Посланиях к нему применяются многие нелестные эпитеты, такие как поврежденный⁶, помраченный⁷, ослепленный⁸, оскверненный⁹, превратный¹⁰, суетный¹¹, лукавый¹², надменным¹³, плотской.¹⁴ И человек с таким умом считается уже не то что разумным, а безумным¹⁵ и чуждым истины¹⁶.

³ См., например, *Гайденко П.П.* Введение // *Философско-религиозные истоки науки* / отв. ред. П.П. Гайденко – М.: Мартис, 1997. – С. 5-6.

⁴ См., например, *Василий Великий свят.* Беседы на Шестоднев, 10; *Августин, блж.* О книге Бытия, буквально, 3, XX; *Иоанн Дамаскин, прп.* Точное изложение православной веры, 2, XII.

⁵ Ср. "*Знаем также, что Сын Божий пришел и дал нам свет и разум, да познаем Бога истинного и да будем в истинном Сыне Его Иисусе Христе*" (1 Ин. 5: 20).

⁶ 2 Кор. 11: 3; 1 Тим. 6: 5

⁷ Еф. 4: 18

⁸ 2 Кор. 3: 14

⁹ Тит. 1: 5

¹⁰ Рим. 1: 28

И эти описания не случайны, так как после грехопадения первых людей человек находится в весьма неестественном и плачевном для себя состоянии. Это состояние человека характеризуется поврежденностью всей его душевно-телесной природы, в том числе и его познавательных способностей, в первую очередь, его разума.¹⁷ Это не значит, что человек в таком состоянии не может познавать вовсе, например, не может исследовать окружающий его мир (те же достижения науки показывают огромные способности разума даже падшего человека), но после грехопадения его познавательные силы, даже в таких высших их проявлениях, как наука и философия, по сравнению с первозданным состоянием сильно ослаблены и искажены.¹⁸

Поврежденность разума, как и всей человеческой природы, вызвана тем, что в грехопадении человек, решив утвердить в себе самом свое бытие, отказался от общения с Источником бытия, с Богом, обособился от Него¹⁹, но при этом неминуемо вступил в тесное общение с сатаной, подпал под его владычество. Это общение привело к тому, что (как это описывают св. отцы-аскеты, например, прп. Макарий Египетский) любое проявление мысленной деятельности человека оказалось срастворенно с грехом, как с некоей «умной и мысленной силою» лукавого.²⁰ Степень этого срастворения такова, что человек даже не может отличить свои собственные мысли от помыслов, всеваемых дьяволом.²¹ Из-за этого смещения с грехом общими свойствами поврежденного ума человека становятся гордость (гордоумие) и лукавство²², под стать тому, кто через грех прародителей стал властвовать над человеческой природой. Другим свойством ума становится его плотность, так как в грехе ум, отвращаясь от Бога, по противоположности

¹¹ ср. 1 Кор. 3: 20; Рим. 1: 21; Еф. 4: 17

¹² ср. 1 Кор. 3: 19

¹³ Ср. Кол. 2: 18

¹⁴ Кол. 2: 18, ср. Ср. Рим. 8: 5-7 и 2 Кор. 1: 12.

¹⁵ Ср. Рим. 1: 22; 1 Кор. 1: 20

¹⁶ 1 Тим. 6: 5

¹⁷ См., например, *Иустин (Попович), прп. Путь Богопознания. Главы из православной аскетике и гносеологии // Собрание творений преподобного Иустина (Поповича) / пер. с серб., под ред. А.И. Сидорова. – Т. 1. – М.: Паломник, 2004. – С. 242-258, 360, 364-266; Зарин С.М. Аскетизм по православно-христианскому учению. Этико-богословское исследование. – М.: Паломник, 1996. – С. 224, 230-234. См. также Коржевский В., свящ. Пропедевтика аскетике: компендиум по православной святоотеческой психологии. – М., 2004. – С. 355-425.*

¹⁸ *Иустин (Попович), прп. Путь Богопознания...*, с. 256; *Зарин С.М. Аскетизм...*, с. 224.

¹⁹ *Зарин С.М. Аскетизм...*, с. 220-223, 232-234

²⁰ *Макарий Великий, прп. Беседа XXIV // Творения преподобного Макария Великого – М.: Паломник, 2002. – С. 377; см. его учение о человеческом познании и грехе в изложении прп. Иустина (Поповича): Путь Богопознания...*, с. 252-253, 254, 257.

²¹ *Иустин (Попович), прп. Путь Богопознания...*, с. 252-253.

²² Там же, с. 252, 364 – о гордоумии; там же, с. 254 – о лукавстве.

склоняется к вещественному, чувственному, тленному. Такое подчинение греху и плоти, мешающее любому помышлению человека о Боге, способствует все большему и большему ослаблению и разрушению человеческого ума, что может привести человека к полному безумию²³ (ср. Пс. 13:1).

В рамках обсуждаемой проблемы взаимоотношения науки и богословия важно отметить, что, горделиво изолировав себя грехом от Бога, от Его Божественного Логоса, человек лишился возможности познавать не только Творца, но и себя, и всю тварь.²⁴ В этом греховном состоянии его разум уже не может проникать в суть вещей окружающего его мира, не может видеть вложенные в них божественные логосы, то есть начала и законы, цели и смыслы²⁵, так как человек разорвал связь с Логосом, содержащим в Себе все эти маленькие логосы. Можно сказать, что мир для человека обесмыслился, стал бессловесным, а-логичным.²⁶

В первозданном состоянии человек мог познавать мир изнутри, что видно из описания наречения имен всякой живой душе во второй главе книги Бытия (ст. 18-20).²⁷ Это познание мира представляло собой опытное личностное общение, так как вся первозданная тварь была местом общения Бога и человека. Благодаря логосному составу твари в ней слышался Божественный призыв к человеку²⁸, и наречение имен человеком было ответом на этот призыв.

После грехопадения тварь "молчит", человек ее не слышит, он может вглядываться в нее только со стороны, извне, скользя взором по явленности, вещественности мира, так как все помыслы человека, оторвавшись от Бога, рассеявшись в чувственном мире, также

²³ Там же, с. 365.

²⁴ *Иустин (Попович), прп.* Путь Богопознания..., с. 255, 364-366.

²⁵ См., например, *Епифанович С.Л.* Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие. – М.: "Мартис", 1996. – С. 64-68; *Петров В.В.* Максим Исповедник: Онтология и метод в византийской философии VII века. – М.: ИФ РАН, 2007. – С. 19-24.

²⁶ *Иустин (Попович), прп.* Путь Богопознания..., с. 256, 359.

²⁷ См., например, у В.Н. Лосского: "И Адам дает имена животным, которых Бог к нему приводит, потому что мир создан Богом для того, чтобы человек его совершенствовал. И человек изнутри познает живые существа, проникает в их тайну, повелевает их богатством: он - поэт, как бывает поэтом священник, он поэт для Бога, потому что Бог "привел их (животных) к человеку, чтобы видеть, как он назовет их". Тогда язык совпадал с самой сущностью вещей" (Очерки мистического богословия восточной Церкви. Догматическое богословие. – М.: [Б.И.], 1991. – С. 139-140).

²⁸ Ср. "любое творение воплощает в себе божественный призыв, потому что представляет собой «стечение» и «соединение» логосов, являющих божественную энергию" (*Яннарас Хр.* Личность и Эрос // *Он же.* Избранное: Личность и Эрос / пер. с греч. - М.: РОССПЭН, 2005 – С. 358).

стали вещественными.²⁹ При таком «постороннем» взгляде на мир человеку остается лишь строить спекулятивные модели бытия, истинность которых он никак не может проверить, либо, совсем отказавшись от попыток понять суть вещей, обратиться к их феноменологической явленности, данной в чувственном опыте. Первым путем шла античная, а вслед за ней и схоластическая философия; вторым путем пошла как раз современная наука.³⁰ В ней человек становится естествоиспытателем, то есть, в прямом смысле, начинает выпытывать в эксперименте у "молчащей" природы ее секреты.³¹

Безусловно, достижения современной науки огромны, однако, эти знания, полученные падшим разумом, существующим вне связи с Богом и опирающимся только на чувственное тленное бытие, всегда амбивалентны: с одной стороны, они значительно расширяют возможности человека и делают эту жизнь (в нашем падшем мире) комфортней, но, с другой стороны, эти достижения то и дело подводят человечество к той грани, за которой может наступить неминуемая гибель, небытие.

Последнее связано с еще одним проявлением разрушительной деятельности греха в разуме падшего человека. Речь идет о расщеплении, дезинтеграции единой, целостной познавательной способности человека на несколько автономных познавательных сил.³² Как известно, человек познает не только путем логического (рассудочного) мышления, но и через другие способности души, такие как эстетическое чувство и нравственный выбор.

²⁹ *Зарин С.М.* Аскетизм..., с. 244. Символом такого поверхностного, феноменологического познания мира и человека, по мнению прп. Иустина (Поповича), является библейский образ «кожаных риз» (Путь Богопознания..., с. 310).

³⁰ *Иустин (Попович), прп.* Путь Богопознания..., с. 310. Ср. «Отказавшись от попыток умо-зрительно (здесь и далее пунктуация оригинала – *Н.С.*) проникнуть в символическую суть вещей и описать внутреннее бытие природы, естествоиспытатель Нового времени ограничился описанием лишь внешней их оче-видной формы, феноменальной вы-явленности. <...> Вместо познания сущности вещей, их глубинной бытийственности (а именно такова была претензия средневековых натур-теологов), естествоиспытатель Нового времени ограничился описанием отношений их качеств. При этом одно неизвестное со-относит-ся с другим так, что “сущность” изучаемых объектов, то есть сам способ их бытия, как бы “выносятся за скобки”, а в качестве “сухого осадка” остается лишь “форма” их взаимоотношения качеств, именуемая “объективно измеримой величиной”» (*Копейкин К., прот.* Богословие и естествознание в антропологической перспективе // Наука и богословие: антропологическая перспектива / под ред. В.Н. Поруса. – М.: ББИ, 2004. – С. 155-156)

³¹ См., например: *Кураев А.В., Кураев В.И.* Религиозная вера и рациональность: Гносеологический аспект // Исторические типы рациональности / Отв. ред. В.А.Лекторский. – Т.1. – М., 1995. – С. 78-79.

³² *Зеньковский В.В.* Основы христианской философии. – М.: "Канон+", 1996. – С. 35-36, 47-48; *Катасонов В.Н.* Концепция целостного разума в русской философии и православии // *Он же.* Христианство, наука, культура / сб. статей. – М.: ПСТГУ, 2005. – С. 86-87; См. также: *Зарин С.М.* Аскетизм..., С. 233-234; *Иустин (Попович), прп.* Путь Богопознания..., С. 257, 310, ср. С. 253.

Последние обычно связываются с деятельностью такого центра внутренней жизни человека, который согласно с библейской терминологией называется "сердцем".³³ Эти способности души являются оценивающими, дающими познание нормы бытия (эстетической или моральной), то есть дающие познания не только того, что есть (это как раз дает познавательная работа ума), но и того, что должно быть.³⁴ В своем первоначальном виде человек имел все способности познания в неделимой цельности и гармонии, так как весь был устремлен к единому Богу³⁵, и в Боге обладал целостным видением мира. Однако в состоянии после грехопадения в человеке наблюдается обособление этих познавательных способностей друг от друга, их автономность: распад единства констатирующего "ума" и оценивающего "сердца" (например, оторванность научных достижений от их осмысления с точки зрения морали) или же различие в эстетической и нравственной оценках и проч. В области культуры разделение целостной познавательной способности человека выразилось в известном противостоянии между разными формами человеческой духовной деятельности, одним из видов которого и стало противостояние религии и науки.³⁶ Еще одним характерным примером разлада между констатирующим "умом" и оценивающим "сердцем" является непонимание греховной поврежденности окружающего мира, которую человек, не ведая о "первозданной доброте" твари, принимает за естественное состояние, а за все очевидные недостатки этого состояния винит Бога-Творца.

Именно такой поврежденный разум падшего или, в терминологии ап. Павла (Еф. 4: 22), ветхого человека христианство отвергает, именно такую плотскую (2 Кор. 1: 12), человеческую (1 Кор. 2: 4-5, 13) мудрость без Бога, мудрость века сего (1 Кор. 2: 6) христианство считает безумием (ср. 1 Кор. 1: 20) и противопоставляет ее вере. Однако отвергает, чтобы тем самым исправить, обновить. Через ап. Павла Церковь призывает всех во Христе *"отложить прежний образ жизни ветхого человека, <...> обновиться духом ума вашего и облечься в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины"* (Еф. 4: 22–24; ср. Рим. 12: 2), чтобы *"иметь Бога в разуме"* (Рим. 1: 28), иметь *"ум Христов"* (1 Кор. 2: 16).

Как известно из христианской аскетики, это обновление ума начинается с покаяния (*meta/noia*), что буквально означает "изменение ума". По словам прп. Иустина Поповича,

³³ О понимании сердца в христианской аскетике см.: *Зарин С.М. Аскетизм...*, с. 373–380.

³⁴ *Зеньковский В.В. Основы христианской философии*, с. 34–37, 47; *Катасонов В.Н. Концепция целостного разума в русской философии и православии...*, с. 86, 88.

³⁵ См., например, *Иустин (Попович), прп. Путь Богопознания...*, с. 242, 256.

³⁶ *Зеньковский В.В. Основы христианской философии*, С. 90; *Катасонов В.Н. Концепция целостного разума в русской философии и православии...*, С. 86.

покаяние, "метания" тесно связана с верой. Если грех связан со стремлением человека к автономии, к отделению от Бога, то вера – это выход из автономии, из этой самости навстречу Богу, отвержение себя.³⁷ Но вера не есть только волевой акт, она есть действие всей человеческой личности, поэтому вера не может быть без ума.³⁸ И когда в акте веры вся личность отвергается своей греховной самости, тогда через покаяние и ум отвергает, распинает себя, проникнутого грехом, отрекаясь всех своих чувственных знаний вплоть до самого закона мышления.³⁹ Происходит гносеологический переворот: в противоположность падшему разуму с его автономностью, гордостью и плотностью верующий ум удаляется от чувственных представлений, смиряется и отдает себя Богу.⁴⁰ Дальнейшее преобразование ума, очищение его от греха, собирание его в Боге происходит через подвиг молитвы и любви при содействии Духа Святого⁴¹, что приводит к восстановлению целостного человеческого ума в состояние до грехопадения и даже выше. Тогда вновь мир делается для человек прозрачным, обретает смысл и логосность, становится местом общения с Богом. Это может происходить уже сейчас, в этой жизни, о чем говорит опыт множества христианских подвижников, созерцавших мир в его подлинной сущности, а не в чувственной явленности.⁴²

Итак, христиане четко разделяют разум ветхого и разум нового человека, призывая преобразовать первый во второй через веру, через благодатную жизнь в Церкви. К сожалению, в науке такое разделение неизвестно. Неизвестно потому, что само научное знание при обычном позиционировании его как внерелигиозного (в нашем случае, внехристианского) знания, очевидно, относится к знанию ветхого человека, и оно не может выйти за свои пределы. Наука знает лишь падший разум, и поэтому в отношении его для многих людей христианская вера часто выглядит именно как "безумие" (ср. 1 Кор. 1: 23, 2: 14) или, по крайней мере, как иррационализм. Стоит ли христианам соглашаться на такие рамки обсуждения проблемы науки и богословия? Очевидно, что не стоит. Конечно, христианство основывается на вере, но при этом оно разумно. Причем эта рациональность значительно более высокого порядка, чем научная рациональность, так как Церковь имеет ум Христов (ср. 1 Кор. 2: 16). Это не значит, что христиане должны огульно отвергать научные знания. Наоборот, именно христиане, призванные к стяжанию целостного ума, имеют возможность по-новому осмыслить все то, что дает людям наука,

³⁷ *Иустин (Попович), прп.* Путь Богопознания, с. 266-267

³⁸ Там же, с. 270

³⁹ Там же, с. 271

⁴⁰ Там же, с. 270-271

⁴¹ Там же, с. 284

⁴² См. *Зарин С.М.* Аскетизм..., с. 414-420, 425-427.

выйти за рамки знания ветхого человека и избежать всех тех опасностей, к которым приводит человечество плотской горделивый разум.